

УДК 382.3
ББК 63.3(29=)

**Крещение еврейских девушек
и их уход из семьи в Российской империи:
проблема восприятия в еврейской среде
(по архивным и мемуарным источникам
начала XIX века)**

Дмитрий Захарович Фельдман

Российский государственный архив древних актов,
Москва, Россия

Кандидат исторических наук
ORCID: 0000-0002-7035-8185

Российский государственный архив древних актов, главный специалист
119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17
Тел.: +7(495)580-87-23
E-mail: rgada@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2020.4

Аннотация: Статья, основанная на опубликованных и архивных источниках, посвящена вопросу о конфликтах в еврейских семьях, происходивших в России в начале XIX в. из-за ухода дочерей из семьи и их крещения. Также упоминаются бесконфликтные случаи ассимиляции еврейских девушек, ставших благодаря замужеству представителями русской аристократии. Отмечается, что еврейские семейные конфликты стали результатом более активных и тесных контактов евреек с неевреями на фоне прогрессивных изменений в обучении и воспитании детей, с одной стороны, и кризисных явлений в социально-экономической жизни российского еврейства того времени – с другой.

Ключевые слова: *семейные конфликты, еврейские женщины, крещение, еврейско-нееврейские контакты, следственные дела, архивные документы, мемуары*

С переходом литовских и белорусских евреев в российское подданство в Екатерининскую эпоху в еврейском обществе начинают происходить пока еще скромные, но уже довольно заметные измене-

ния, касающиеся культурологических аспектов его функционирования. Благодаря работе Д.Э. Фишмана о «шкловской Хаскале» второй половины XVIII в. существенной корректировке подвергся вопрос о времени появления на территории Российской империи первых европейски образованных, «просвещенных» евреев (так называемых маскилим) [Fishman 1995]. Одним из следствий ориентации на общевропейские культурные ценности стали определенные модернизационные изменения в обучении детей, причем в первую очередь это коснулось воспитания девочек. Данная тенденция, возможно основанная на талмудическом предписании учить девочек «греческой мудрости», сохранялась на протяжении всего XIX в., тогда как сыновей опасались отвлекать от изучения Торы даже сочувствовавшие просвещению родители.

Что же касается конца XVIII в., то примеры обучения девочек светским наукам изредка встречались в семьях, принадлежавших к еврейской элите. Так, известный еврейский подрядчик и общественный деятель того времени, автор ряда записок по еврейскому вопросу и консультант Первого еврейского комитета (Комитета об устройстве евреев) 1802–1804 гг., «польского королевского двора надворный советник» Нота Хаимович Ноткин нанял для своих двух дочерей нескольких домашних учителей, чтобы обучить их французскому, русскому и польскому языкам, а также хорошим манерам [Fishman 1995, 53]¹. Другой деятель «еврейской политики» того времени, могилевский купец Бенъямин Шпеер, также стремился воспитать свою дочь на европейский лад. Однако это имело совершенно неожиданные последствия. Прибывший в Херсон в конце 1786 г. венесуэльский авантюрист-революционер Франсиско де Миранда встретил там дочь Шпеера уже в качестве супруги драгунского полковника князя П.Н. Долгорукова. «Княгиня, – отмечал в своем дневнике 14 ноября 1786 г. де Миранда, – еврейка по происхождению, и, чтобы выйти замуж, ей пришлось креститься, благодаря чему, да еще приданому в 50 тысяч рублей она стала вполне хороша для этого» [Миранда 2001, 30]. Несмотря на свое еврейское происхождение, княгиня Долгорукова занимала видное место в аристократическом обществе Херсона: де Миранда встречал ее на званых обедах и ве-

---

¹ Автор, упоминая об этом эпизоде, употребляет нейтральное в гендерном отношении слово «дети».

черях у генерал-майора князя А.И. Вяземского, на ужине у новороссийского и азовского генерал-губернатора светлейшего князя Г.А. Потемкина [Миранда 2001, 30, 35, 52]. Иронический тон, сопровождающий первое упоминание княгини в дневнике, постепенно сменяется восхищением: по контрасту со многими представителями херсонского «высшего общества» и «князь, и княгиня Долгоруковы чрезвычайно обходительны, и у них нет недостатка в образованности», – гласит запись от 22 ноября 1786 г. [Там же, 35]. Таким образом, культурный уровень представителя русской аристократии и крещеной еврейки казался со стороны совершенно равным, и, вероятно, так оно и было. 30 декабря 1786 г. Долгоруковы устраивали торжественный обед в честь приезда Потемкина в Херсон. «Приятно провели время с княгиней», – отметил пылкий венесуэлец в дневниковой записи [Там же, 49]. 2 января 1787 г. на ужине у Потемкина «князь Долгоруков передал копию письма относительно евреев, адресованного его тестем императору (австрийскому императору Иосифу II. – *Д.Ф.*)» [Там же, 52]. Этот поразительный эпизод, равно как и процитированное выше упоминание о приданом, дают основание утверждать, что связи Шпеера с дочерью не прервались даже после ее возможного бегства из дома и перехода в православие.

Вызывают интерес биографические сведения о вышеупомянутых лицах. Князь Петр Николаевич Долгоруков был сыном князя Николая Сергеевича и внуком князя Сергея Григорьевича (казненного императрицей Анной Иоанновной в 1739 г. по делу «верховников») и Марфы Петровны, урожденной Шафировой (с 1710 г. баронессы). Таким образом, правнук Петра Павловича Шафирова и сам был не чужд еврейской крови. Известно, что Шафиров был женат на крещеной еврейке Анне Самуиловне Копьевой, поэтому его дочь Марфа является галахической еврейкой. Вполне возможно, что, женившись на еврейке, дочери Бенямина Шпеера, Петр Николаевич преследовал цель скрытно восстановить в своем роду еврейство². Чета Долгоруковых имела сына Петра (видимо, недолго прожившего) и дочь Анастасию, вышедшую замуж за Кирилла Григорьевича Михаловского, сенатора и действительного тайного советника. Что касается дочери Бенямина Шпеера, то она упоминается в справочниках по родословию как Екатерина Вениаминовна Шпеер

² Информация О.Ю. Минкиной (г. Санкт-Петербург).

[Долгоруков 1854, 95; Власьев 1907, 106; [Аргутинский]-Долгорукой 1913, 74]³.

В качестве еще одного яркого примера подобного «мирного» преображения еврейской девушки в представительницу российской аристократии можно привести историю Леи-Юлии Рафалович-Сталинской-Грейг. Как следует из справочника по дворянскому родословию, Лея (или Лия) родилась в Могилеве (Подольском?) 27 января 1800 г., а умерла 28 сентября 1881 г. и была похоронена рядом со вторым мужем на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге [Руммель, Голубцов 1886, 222–223]; правда, некоторые историки полагают, что она умерла в 1882 г. [Щукин, Павлюк 2009, 48]. Согласно еврейским источникам, она происходила из богатой и уважаемой хасидской семьи Юго-Западного края. Ее отец, содержатель одного из могилевских трактиров (или гостиницы, почтовой станции) Михл (Михель, Моше) Рафалович Сталинский, был близок к цадику (хасидскому ребе) Исроэлю-Моше Ружинеру. Вполне возможно, содержащиеся в еврейских легендах сведения о богатстве и высоком статусе отца Леи являются не отражением реального положения вещей, а фольклорной условностью: знаменитой заступнице за еврейский народ приписывалось высокое происхождение. Записки известного публициста Ф.Ф. Вигеля, фиксировавшего в данном случае ходившие в высшем обществе Николаева слухи и сплетни о происхождении и скандальном прошлом супруги адмирала А.С. Грейга, рисуют нам совершенно противоположную картину:

Была она сначала служанкой в жидовской корчме под именем Лии или простым названием Лейки. Она была красива, ловка и умением нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имела она уже порядочный капитал, с которым и нашла себе жениха, прежних польских войск (кавалерийского) капитана Кульчинского. Надобно было сменить веру. С принятием св. крещения к прежнему имени Лия прибавила она только литеру «ю» и сделалась Юлией Михайловной. Через несколько времени (не позднее 1820 г.), следуя польскому обычаю, она развелась с ним [Вигель 2000, 545].

---

³ В одном из современных справочников ее фамилия написана ошибочно: *Шнейер* [История родов 1991, 83].

Еврейская же легенда ничего о первом браке Леи не сообщает, равно как и не проливает свет на ее знакомство с адмиралом и обстоятельства ее крещения. В противоположность сдержанности еврейских рассказчиков история любви «жидовки» и адмирала А.С. Грейга расцвечена в «Записках» Вигеля красочными подробностями: после развода с Кульчинским «прелестная Юлия» в 1820 г. «под предлогом продажи какого-то строевого корабельного леса приехала в Николаев. Ни с кем, кроме главного начальника, не хотела она иметь дела, добилась до свидания с ним, потом до другого и до третьего. Как все люди с чрезмерным самолюбием, которые боятся неудач, Грейг был ужасно застенчив, она на две трети сократила ему путь к успеху. Ей отменно хотелось выказать свое торжество, из угождения же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно <...> но скоро весь город, или лучше сказать, весь флот, пожелал с нею познакомиться» [Вигель 2000, 545]. Таким образом, связь аристократа с еврейкой, хотя и крещеной, воспринималась русским обществом, в том числе в ближайшем окружении адмирала, как нечто постыдное, как «слабость».

Далее Ф.Ф. Вигель рисует портрет коварной красавицы, которую он впервые увидел в Николаеве в январе 1828 г.:

В ее наружности ничего не было еврейского, кокетством и живостию она скорее походила на мелкопоместных польских паней, так же как они, не знала иностранных языков, а с польским выговором хорошо и умно выражалась по-русски <...>. Она мастерски вела свое дело, не давала (А.С. Грейгу. – *Д.Ф.*) чувствовать оков, ею наложенных, и осторожно шла к цели своей, законному браку. Говорили даже, что он совершился [Вигель 2000, 545–546].

В этом браке у них родилось семеро детей: сыновья Алексей, Самуил, Джон (Иван), Вильям (Василий) и дочери Юлия, Сара, Дженни (Евгения). Правда, адмиральской супруге не удалось избежать по отношению к себе проявлений антисемитизма: еще до замужества, в 1823 г., она подверглась публичному оскорблению со стороны поручика (или мичмана) В.И. Даля, написавшего стихотворный пасквиль о ней, ее сестре и матери, а ее брак с Грейгом не был официально признан, по некоторым данным, в течение почти 40 лет (де-юре она числилась у него экономкой) [Вигель 2000, 261–

262]. При этом некоторые историки утверждают, что Лея Рафалович до конца своих дней оставалась иудейкой и никогда не была законной женой адмирала [Ерофеев 2006, 349], ссылаясь на сохранившийся формулярный список А.С. Грейга 1831 г., где указано: «холост» [РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 8. Л. 1–6]. Вполне понятно, что на время составления данного документа их брак официально оформлен еще не был.

Важно подчеркнуть, что католичка Лея (именовавшаяся теперь Юлией), скорее всего, сохранила тесные связи со своей многочисленной еврейской родней, благодаря чему оказала заметное влияние на социально-экономическую жизнь Северного Причерноморья. Так, двум своим племянникам, братьям Шлеме и Давиду Рафаловичам, она выхлопотала выгодные подряды на снабжение провиантом и различными материалами Черноморского флота (А.С. Грейг в 1816–1833 гг. был главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя), и в скором времени они стали самыми богатыми евреями во всем Юго-Западном крае. В конце 1830-х гг. бывший могилевский купец 2-й гильдии Шлема Рафалович (в крещении Федор), благодаря протекции своей тетки, получил подряды на строительство в Николаеве нескольких военных кораблей, а затем открыл в Одессе банкирский дом «Рафалович и К^о», который через 30 лет уже имел ежегодные обороты до 50 млн руб. и играл существенную роль в развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства Новороссийского края [Ананьич 2006, 10–11].

Несмотря на переход в христианство, Лея-Юлия Рафалович-Сталинская оставалась, как и ее отец, ревностной почитательницей своего дальнего родственника – Ружинского цадика. Ее отношения с цадиком строились по той же схеме, что и отношения обычных хасидов со своими цадиками: она посылала р. Исроэлю взносы на содержание, которые должны уплачивать все принадлежащие к данному «двору» хасиды, и специальные записочки, на которых было принято излагать свои желания, чтобы цадик о них помолился; спрашивала у него совета во всех своих делах и вела с ним переписку на древнееврейском языке. Последнее обстоятельство указывает на то, что Лея получила в родительском доме хорошее традиционное образование, что было редкостью для девочек, особенно из хасид-

ской среды. При этом цадик словно не замечал, казалось бы, «позорного» в глазах евреев поведения своей подопечной. Супруга адмирала, благодаря своей благотворительности и заступничеству за евреев, прославилась по всей черте оседлости как среди хасидов, так и среди раввинистов под прозвищем «*di tume Lea*» («тетка Лея»). В свое время Ружинский цадик отправил два письма «тетке Лее», чтобы та – как «близкая к властям» – использовала всё свое влияние для отмены именного указа императора Николая I 1827 г. о распространении на евреев рекрутской повинности, который воспринимался ими как всенародное бедствие, однако на этот раз ее ходатайство оказалось безуспешным. Евреи же Николаева в своей среде называли ее «царицей Эсфирь Николаевской» [Щукин, Павлюк 2009, 48–49].

Однако, как правило, еврейские девушки, решившие связать свою жизнь с человеком другой веры, не имели таких свободомыслящих и любящих родителей, как Беньямин Шпеер или семья Рафаловичей, и их переход в христианство и дальнейшее замужество сопровождалось громкими конфликтами, вплоть до судебных разбирательств.

Отзвуки следствия, речь о котором пойдет ниже, докатились до столицы на рубеже XVIII и XIX вв. Поскольку оно было связано с переменой вероисповедания, в нем приняли участие как местная административная власть, так и религиозные деятели края. Инициативным документом данного следственного дела стало прошение еврея-мещанина Ноты Абрамовича на имя императора Павла I с жалобой на похищение дочери Фрейды и якобы насильственное ее крещение жителями Каменецкого повета (уезда). 30 апреля 1800 г. могилевский архиепископ С. Сестренцевич получает распоряжение провести на месте тщательное расследование этого факта, и буквально в тот же день соответствующее предписание было направлено каменецкому епископу графу М.Г. Сераковскому. После обстоятельного рассмотрения данного дела – а оно продолжалось около трех месяцев – епископ 21 июля посылает Сестренцевичу рапорт, к которому прикладывает отчет «о двух проведенных следствиях» и письмо бывшего волынского и подольского военного губернатора графа И.В. Гудовича. 24 июля этот отчет с письмом отправляет в Санкт-Петербург статс-секретарю Д.Н. Неплюеву в свою очередь и Сестренцевич [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58785. Л. 1–2].

Как становится ясно из этих документов, первое следствие было произведено еще 4 февраля (то есть до высочайшего распоряжения) в фольварке Савиницком (Савинцы), владении графа Потоцкого, где находилась дочь Ноты Абрамовича. Отвечая на вопросы духовного лица (каноника), девушка рассказала, что ей 13 лет и что она ушла из дома добровольно, чтобы принять христианскую веру, так как влюблена в местного шляхтича Гавриила Чижаковского, и они намерены пожениться. В разговоре принимал участие родственник девушки еврей Воль Волович, также задававший ей вопросы. Фрейда подтвердила уже сказанное, добавив, что никаких претензий к родителям не имеет, ничего из дома не унесла, но что жить с ними ей было в тягость: «Того хочу иметь, кого люблю, а понеже он есть благочестивой веры, то и я желаю быть в той же с ним вере и с ним бы свенчанною в церкви хоть сегодня, ежели б было дозволено» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58785. Л. 3–3об.]. Вполне возможно, что ответы юной еврейки были подсказаны принимавшим участие в допросе священником.

Второе следствие проводилось канониками Каменецкой епархии 24 мая в Каменец-Подольске в монастыре доминиканок, и его результаты были отосланы местному епископу для дальнейшей передачи по инстанции. Кроме уже известных нам сведений, мы узнаем, что после принятия католичества еврейская девушка получила имя Анна. Ее родители Нота Абрамович и Зисля проживают в имении графа Потоцкого Лишковцы Каменецкого повета, а она с помощью местных шляхтичей добралась в соседнее местечко Павинец, где ее окрестил («воду лил на главу мою») ксендз местного доминиканского монастыря [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58785. Л. 4–4об.].

В письме графа И.В. Гудовича бискупу М.Г. Сераковскому от 18 июня говорится, что по поданному ему прошению Нотки Абрамовича он поручил провести собственное следствие подольскому губернскому прокурору и каменецкому городничему [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58785. Л. 5]; правда, результаты его были аналогичны предыдущему расследованию. Осенью 1800 г. следственное дело было закончено: 11 сентября генерал-прокурор Сената П.Х. Обольянинов направил письмо статс-секретарю графу П.И. Кутайсову, в котором сообщил об отказе мещанину Ноте Абрамовичу

в его претензии к шляхтичам Каменецкого повета, якобы отнявшим его дочь Фрейду, поскольку она крестилась добровольно под именем Анна, о чем «опубликовано в газетах» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 37679. Л. 1].

Здесь стоит привести еще одно документальное свидетельство, касающееся случаев ухода (добровольного или насильственного) еврейских девушек из их семей. В письме П.И. Кутайсова к П.Х. Обольянинову от 8 января 1801 г. говорилось, что статс-секретарь подал императору Павлу I доклад, в котором в том числе содержалось прошение некоего еврея Волиовича с жалобой на управителя имения князя Долгорукова (без указания уезда и губернии) Злотницкого и на секретаря Волкова, которые якобы подговорили и увезли его дочь. Высочайшим повелением было решено «отказать просителю чрез газеты» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 65120. Л. 10]. Из бумаг неизвестно, приняла ли эта молодая еврейка христианство, но, судя по тому, что ее отцу в претензии к местным жителям было отказано, девушка ушла из своей семьи, скорее всего, по собственному желанию.

Аналогичная ситуация почти в то же самое время сложилась и в семье крупного еврейского коммерсанта, землевладельца, ученого-талмудиста и общественного деятеля Иошуа (Гамшея) Цейтлина, хорошо знакомого с князем Г.А. Потемкиным. О подробностях семейного конфликта мы узнаем из письма П.Х. Обольянинова, отправленного графу П.И. Кутайсову 18 октября 1800 г. и полученного последним в Гатчине спустя три дня. В нем говорилось, что некоторое время назад по высочайшему повелению статс-секретарь переслал в Сенат генерал-прокурору для рассмотрения три жалобы: «первую – бывшей польской службы надворного советника Цетлина на лекаря Капелло, увезшего дочь его и имение на знатную сумму, вторую – означенного лекаря Капелло, и третью – дочери Цетлина, что он, Цетлин, преследует Капеллу с женою единственно за принятие последнею христианской веры и вступление их в супружество» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 37932. Л. 1]. Известно также, что еще 7 апреля Обольянинов сносился с новороссийскими военным и гражданским губернаторами для того, чтобы «дело сие исследовано было строжайшим образом, и обиженная сторона удовлетворена была в полной мере». 8 июня 1800 г. он получает донесение

о рассмотрении этого спора «особенной» комиссией и о передаче материалов дела в Херсонский уездный суд (как известно, Цейтлину принадлежало в Херсонском уезде село Софийка), где оно было подготовлено к слушанию, «но о совершенном окончании его и доселе не получил никакого уведомления» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 37932. Л. 1–1об.]. В этой связи генерал-прокурор вновь написал местному военному губернатору, управляющему по гражданской части, чтобы тот приказал закончить дело «без малейшаго медления», и одновременно – губернскому прокурору с требованием объяснить, «по каким обстоятельствам дело сие доселе остается без решения». Как видим, сложность семейных взаимоотношений, щекотливость самой проблемы, переплетение требований из встречных жалоб, отягощенные при этом имущественным вопросом (вывоз безымянной дочерью Цейтлина фамильного «имения» на большую сумму), – все эти коллизии привели к тому, что судебная машина была вынуждена «сбросить обороты», не имея возможности оперативно прийти к какому-либо окончательному вердикту. К большому сожалению, содержание судебного постановления нам пока неизвестно.

Кстати, другая дочь Иошуа Цейтлина, Сара-Фейгл (Фейгеле), предпочла покориться воле своего отца и вышла замуж за Аврама Израилевича Перетца (тогда 16-летнего юношу, а в будущем крупного предпринимателя, финансиста и общественного деятеля, одного из первых в России «просвещенных» евреев), которого также принудили к этому браку. Результаты такого «двойного принуждения» не замедлили сказаться: при первой же возможности Перетц покинул жену и детей, в начале 1790-х гг. с помощью князя Г.А. Потемкина переселился в Санкт-Петербург, а затем (около 1813 г.) перешел в лютеранство, женившись вторично на христианке. Его примеру последовали отосланные разгневанным тестем к отцу дети, Гирш и Цирель, после крещения получившие, соответственно, новые имена: Григорий и София. Существует, правда, еще одна, «бесконфликтная» версия того, как Перетц оказался в столице: будучи приближенным к Потемкину, Цейтлин якобы представил князю своего зятя, которого вскоре назначил представителем своего дома в Санкт-Петербурге, где евреев тогда почти еще не было [Русский биографический словарь 1902, 520].

Еще один любопытный конфликт, связанный с переходом еврейской девушки в католичество, относится к 1807–1808 гг. В 1808 г. в Пятом (уголовном) департаменте Сената рассматривалось дело об увозе и насильственном крещении молодой еврейки (чье имя, к сожалению, до нас не дошло) неким шляхтичем Билевичем из Минска. Насколько можно судить по немногим сохранившимся документам, расследовавшие дело чиновники, в отличие от упоминавшегося выше эпизода с Фрейдой, дочерью шинкаря Н. Абрамовича, были склонны принять скорее сторону родителей похищенной – поставщика провианта для армии, купца 2-й гильдии Лейбы Перельмана и его жены Трайны [РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 818. Л. 1–9]. Возможно, здесь сыграло роль воздействие на администрацию влиятельного подрядчика, равно как и сомнительная репутация Билевича, человека «дурного поведения» и «развращенных нравов» [РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 818. Л. 7–7об.].

Еще один вариант развития такого конфликта отразился в мемуарах Ф.В. Булгарина. Следует отметить, что ко времени написания его записок (1846–1849) в русской литературе уже сложилась традиция изображения «прекрасной еврейки», и воспоминания Булгарина конструировались как литературный текст. Излагаемый ниже эпизод имеет подзаголовок «Похищение жидовки: трагикомедия» и относится к 1810 г., когда Булгарин путешествовал вместе с капитаном Второго гусарского полка Герцогства Варшавского «графом О.» (Огинским?). Между местечком Шавли и г. Ковно путешественники остановились «в жидовской корчме». Сын хозяина корчмы, «мальчик хилый и чахлый», был женат на «красавице лет двадцати двух, проворной, ловкой жидовке» [Булгарин 2001, 715–716] Ривке (у Булгарина «Рифка»). Познакомившись с приятной еврейкой поближе, «граф О.» объявил своему спутнику, что останется в местечке на несколько дней и попросил подождать его на ближайшей почтовой станции. Когда приятели встретились, Булгарин «с удивлением» обнаружил в бричке графа «красавицу жидовку» и вынужден был участвовать в опасном приключении. Еврей, содержатель почтовой станции, где остановились беглецы, не мог скрыть своего изумления и ужаса при виде знакомой ему Ривки в компании двух молодых польских офицеров. Однако Ривка «не растерялась, вошла в комнату с гордым видом, несколько театрально, и сказала хозяину с хозяй-

кой, что она уже христианка», и доказала это за ужином: «села, не разбирая, что трэф, а что кошер» [Булгарин 2001, 717]. Неожиданно к постоялому двору подъехали примерно двадцать воинственно настроенных евреев, требовавших вернуть похищенную. Булгарин, «граф О.» и Ривка забаррикадировались в комнате, а вооруженные слуги графа охраняли бричку. Евреи заявили, что Ривка «взяла с собою весь свой жемчуг на значительную сумму и деньги, бывшие в кассе трактирной» [Там же], но беглянка это отрицала. Переговоры закончились тем, что граф, Булгарин и Ривка пробились, угрожая пистолетами, к бричке через толпу евреев и ускакали. На заставе в Ковно их остановили заседатель нижнего земского суда и офицер городской полиции, поскольку отец Ривки уже успел подать жалобу на похитителей дочери и добиться покровительства местных властей. В свою очередь Булгарин, за взятку отпущенный из-под стражи, обратился за содействием к своему знакомому, земскому судье Хлопицкому. Последнее обстоятельство, а также высокий статус похитителя повлияли на дальнейшее развитие конфликта. Капитан-исправник и городничий мягко уговаривали «графа О.» вернуть Ривку ее родным, и граф, которого, видимо, уже начинало тяготить затянувшееся приключение, был готов отпустить ее. «Ривка вопила, что перережет себе горло, если ее отдадут жидам, уверяя, что она хочет быть христианкою» [Там же, 719]. В итоге было решено отправить девушку в католический женский монастырь, на что она согласилась после обещаний своего возлюбленного приехать за ней, когда она примет христианскую веру. Разумеется, «граф О.» не исполнил своего обещания. Дальнейшая судьба Ривки неизвестна, также пока не обнаружены архивные документы, могущие пролить свет на этот интересный эпизод.

Следующий любопытный инцидент на данный момент мы знаем лишь в кратком изложении американского историка еврейства С. Барона, хотя в дальнейшем возможно будут найдены архивные источники по данному сюжету. Летом 1814 г., в канун субботы, 13-летняя дочь киевского раввина Давида Слуцкого была похищена, затем насильно крещена в православие и выдана замуж за христианина. Однако девушка не смирилась со своим новым положением, попыталась сбежать обратно к родителям и вернуться к иудаизму. Окончательное решение по этому делу, исходившее от друга императора

Александра I, главы Департамента духовных дел иностранных исповеданий князя А.Н. Голицына, в дальнейшем сыгравшего значительную роль в разработке правительственной политики по отношению к евреям, было неблагоприятным для потерпевших. Переход девушки в христианство был объявлен законным и добровольным, а ее отец попал под следствие за «клевету» на местное духовенство [Вагон 1976, 279]. Возможно, такое жесткое решение было вызвано необходимостью поддерживать престиж государственной религии и, следовательно, центральной власти в Западном крае, в котором преобладали католики.

Одним из самых заметных членов официального еврейского представительства при центральной власти в правление Александра I являлся депутат Зундель Зонненберг из Гродно, у которого была единственная дочь Хая Эстер. Как «с крайним соболезованием» признавался позже ее отец, «Хая Эстер, будучи еще 12-и лет от роду, показала признаки дурного характера, к исправлению чего были приняты все возможные меры, но, не имея успеха, я отдал ее в замужество» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13]⁴. Согласно распространенному обычаю, Зонненберг взял зятя на содержание, однако все выгоды, которые молодой человек и его семья могли извлечь из этого союза: богатство и родство с одним из самых влиятельных евреев Российской империи – показали свекру Хаи Эстер ничтожными по сравнению с ее «порочной натурой». «Когда отец зятя моего, – продолжал свои жалобы Зонненберг, – пригласил ее с мужем к себе на праздник, то она, находясь у него до четырех месяцев, показала себя совершенно развратною, потому на требование свекра о разводе их я принужден был согласиться» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13]. В 1820 г., находясь в столице, еврейский депутат «получил из дому сведение, что 9 апреля в ночное время Гродненской губернии города Волковыска житель, женатый шляхтич Матвей Болтуч, подговорил мою несовершеннолетнюю дочь, которой едва минуло пятнадцать лет, и, укравши большую часть моего имущества, [она] тайным образом уехала в город Слоним в тамошний женский монастырь» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13об.], как отмечал впоследствии местный губер-

⁴ Информация О.А. Соболевской (г. Гродно). См. также: Сабалеўская 2000, 29–30; Соболевская 2001, 297.

натор, «в намерении, как полагать должно, перемены религии» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 4]. Следствие, проводившееся гродненским губернатором статским советником М.Ф. Бутовт-Андржейковичем летом 1820 г., показало, что из дома депутата похищено было «наличных денег, драгоценных вещей и жемчуга на 300 червонцев» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 4]. Обращает на себя внимание буквальное совпадение некоторых деталей (похищение беглянкой жемчуга – традиционного украшения замужних евреек, помещение желающей принять католическую веру еврейки в женский монастырь) с упоминавшейся выше историей «похищения жидовки» приятелем Ф.В. Булгарина. Спешно прибывший в Гродно Зундель Зонненберг пытался добиться у губернатора «предписания... о возвращении дочери и недостающее имущество с Матвея Болтуча взыскать» [НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 11].

К сожалению, мы на данный момент не располагаем точными сведениями о том, чем закончилась эта история. По всей видимости, Хая Эстер приняла католичество, отказавшись вернуться домой к родителям. Отметим только нетипичное для еврейской семьи XVIII–XIX вв. обстоятельство: единственной дочери Зонненберга в 1820 г. «едва минуло пятнадцать лет», а отцу ее в 1818 г. уже было «около шестидесяти». Как известно, в еврейских семьях были распространены ранние браки и высокая рождаемость. Этот случай, видимо, связан с окончанием карьеры Зунделя Зонненберга как «депутата от еврейского народа (или от кагалов)». Бегство дочери так потрясло Зонненберга, что его хватил удар, из-за чего он был вынужден оставить свою политическую и общественную деятельность, хотя гродненские евреи до конца дней его приходили к нему с напрасными просьбами о ходатайстве перед императором по различным вопросам еврейской жизни.

В заключение следует отметить, что тема еврейской семейной конфликтологии, связанной с уходом дочерей из семьи и возможным дальнейшим их крещением, помимо архивных и мемуарных материалов нашла свое отражение также в еврейских фольклорных источниках, которые мы рассматривали в нашей совместной работе с О.Ю. Минкиной ранее [Фельдман, Минкина 2007, 2008]. Таким образом, если оставить в стороне бесконфликтные случаи ассимиляции

еврейских девушек, то можно отметить, что конфликты, происходившие в еврейских семьях России в начале XIX в., стали результатом более активных и тесных контактов евреек с неевреями на фоне определенных прогрессивных изменений в обучении и воспитании детей, с одной стороны, а с другой – заметных кризисных явлений в социально-экономической жизни российского еврейства того времени как в результате принятия новых антиеврейских законоположений (о выселении евреев из сел и деревень в города, о запрете на изготовление и продажу алкогольных напитков и пр.), так и острейшего противостояния внутри еврейской общины между хасидами и миснагидами.

Литература и источники

- Ананьич 2006 – *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. 293 с.
- [Аргутинский]-Долгорукой 1913 – *[Аргутинский]-Долгорукой Ф.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб.: Тип. Р. Голдарбейтер, 1913. 148 с. 120 л. ил.
- Булгарин 2001 – *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 782 с.
- Вигель 2000 – *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: Захаров, 2000. 327 с.
- Власьев 1907 – *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. Т. I: Князья Черниговские. Ч. 3: Князья Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Волконские. 543 с.
- Долгоруков 1854 – *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. I: Список фамилиям, входящим в состав Российской родословной книги. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1854. 350 с.
- Ерофеев 2006 – *Ерофеев П.В.* А.Г. Рафалович – агент Министерства финансов и представитель деловых кругов юга России // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков.: сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. С. 342–351.
- История родов 1991 – История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петров. М.: Современник; Лексика, 1991. Кн. 1. 431 с.
- Миранда 2001 – *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи. 1786–1787 гг. М.: Наука, 2001. 368 с.
- Руммель, Голубцов 1886 – *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1886. Т. 1. 628 с.
- Русский биографический словарь 1902 – Русский биографический словарь. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. Т. XIII. Павел, преподобный – Петр (Илейка). 745 с.

- Щукин, Павлюк 2009 – *Щукин В.В., Павлюк А.Н.* Земляки: Очерки истории еврейской общины города Николаева (конец XVIII – начало XX вв.). Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2009. 352 с.
- НИАБ в г. Гродно – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186 («Дело по жалобе еврейского депутата Зунделя Зонненберга на шляхтича г. Волковыска М. Болтуца об увозе его дочери Хаи Эстер и похищении денег и драгоценностей»). 1820 г. Л. 1–13об.
- РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург). Ф. 406. Оп. 7. Д. 8 («Формулярный список адмирала А.С. Грейга»). 1831 г. Л. 1–6.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 37679 («Письмо генерал-прокурора П.Х. Оболянинова статс-секретарю гр. П.И. Кутайсову об отказе мещанину Ноте Абрамовичу по его жалобе на шляхтичей Каменецкого повета о похищении и насильственном крещении его дочери Фрейды, поскольку она крестилась добровольно»). 1800 г. Л. 1; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 80. Д. 37932 («Письмо генерал-прокурора П.Х. Оболянинова статс-секретарю гр. П.И. Кутайсову об ускорении решения дела в Херсонском уездном суде по жалобам: «бывшей польской службы надворного советника» Иошуа Цейтлина на лекаря Капелло, увезшего его дочь; лекаря Капелло и дочери Цейтлина на отца, преследующего их в связи с крещением последней и вступлением в брак»). 1800 г. Л. 1–10б.; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58785 («Дело по жалобе мещанина Ноты Абрамовича на шляхтичей Каменецкого повета о похищении и насильственном крещении его дочери Фрейды»). 1800 г. Л. 1–5; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 65120 («Письма с изображением высочайших повелений по части статс-секретаря гр. П.И. Кутайсова»). 1801 г. Л. 1–19об.
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Москва). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 818 («Дело по жалобе купца 2-й гильдии Лейбы Перельмана на шляхтича г. Минска Билевича об увозе и насильственном крещении его дочери»). 1808 г. Л. 1–9.
- Сабалеўская 2000 – *Сабалеўская В.А.* Спрадвечныя іноземцы: старонкі гісторыі гарадзенскіх яўрэяў. Гародня: ГрДУ ім. Я. Купалы, 2000. 88 с.
- Соболевская 2001 – *Соболевская О.А.* Из истории еврейской женщины на Беларуси XIX в. // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. Минск: БГПУ, 2001. Вып. 1. С. 290–304.
- Фельдман, Минкина 2007 – *Фельдман Д.З., Минкина О.Ю.* К вопросу о принятии еврейскими женщинами христианства в России в конце XVIII – начале XIX вв. // Фельдман Д.З., Минкина О.Ю., Кононова А.Ю. «Прекрасная еврейка» в России XVII–XIX веков: образы и реальность: Статьи и документы. М.: Древлехранилище, 2007. С. 55–104; Фельдман, Минкина 2008 – *Фельдман Д.З., Минкина О.Ю.* К вопросу о принятии еврейскими женщинами христианства в России в конце XVIII – начале XIX вв. // *Jews and Slavs. Vol. 19: Jews, Ukrainians and Russians. Essays on Intercultural Relations / Ed. by*

- W. Moskovich, L. Finberg. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem; Kyiv: Center for Slavic Languages and Literatures, National University of Kyiv Mohyla Academy. The Center for Studies of History and Culture of East European Jews, The Institute of Jewish Studies, 2008. P. 110–131.
- Baron 1976 – *Baron S.W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York: Macmillan; London: Collier-Macmillan, 1976. 468 p.
- Fishman 1995 – *Fishman D.E.* Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York: New York University Press, 1995. 195 p.

Conflicts in Jewish Families of the Russian Empire as a Consequence of the Maidens' Leaving the Family and their Baptism

(According to Archival and Memoir Sources of the Early 19th Century)

Dmitry Feldman

The Russian State Archives of Ancient Acts,
Moscow, Russia

PhD. in History, Chief specialist

ORCID: 0000-0002-7035-8185

The Russian State Archives of Ancient Acts

Bolshaya Pirogovskaya str., 17, Moscow, 119435, Russia

Tel.: +7(495) 580-87-23

E-mail: rgada@mail.ru

Summary: The article, based on published and archival sources, is devoted to the problem of Jewish family conflicts occurred in Russia at the beginning of the 19th century due to the daughters' leaving the family and their baptism. There are non-conflict cases of assimilation of Jewish girls in the article. These girls became representatives of the Russian aristocracy through marriage. It is noted that Jewish family conflicts were the result of more active and close contacts between the Jewesses and non-Jews. They took place during progressive changes in the education and upbringing of children, on the one hand, and the crisis phenomena in the social and economic life of the Russian Jewry at that time, on the other.

Keywords: *family conflicts, Jewish women, baptism, Jewish and non-Jewish contacts, investigative cases, archival documents, memoirs*

References:

- Anan'ich, B.V., 2006, *Bankirskie doma v Rossii. 1860–1914 gg.: Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking houses in Russia. 1860–1914: Essays on the history of private enterprise]. 2-e izdanie, Moscow, ROSSPEN, 293.
- Baron, S.W., 1976, *The Russian Jew under Tsars and Soviets*. 2nd edition, New York, Macmillan; London, Collier-Macmillan, 468.
- Erofeev, P.V., 2006, A.G. Rafalovich – agent Ministerstva finansov i predstavitel' delovykh krugov iuga Rossii [A.G. Rafalovich – agent of the Ministry of Finance and representative of business circles in the South of Russia]. *Otechestvennaia istoriia i istoricheskaia mysl' v Rossii 19–20 vekov: Sbornik statei k 75-letiiu Alekseia Nikolaevicha Tsamutali* [Russian history and historical thought in Russia of the 19–20th centuries: Collected articles for the 75th anniversary of Alexey Nikolaevich Tsamutali], ed. R.Sh. Ganelin, 342–351. St. Petersburg, Izdatel'stvo “Nestor-Istoriia”, 612.
- Fel'dman, D.Z., and O.Iu. Minkina, 2008, K voprosu o priniatii evreiskimi zhenshchinami khristianstva v Rossii v kontse 18 – nachale 19 vv. [On the question of the adoption of Christianity by Jewish women in Russia in the late 18th – early 19th centuries]. *Jews and Slavs*. Vol. 19: *Jews, Ukrainians and Russians. Essays on Intercultural Relations*, eds. W. Moskovich and L. Finberg, 110–131. Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem; Kyiv: Center for Slavic Languages and Literatures, National University of Kyiv Mohyla Academy. The Center for Studies of History and Culture of East European Jews, The Institute of Jewish Studies, 414.
- Fel'dman, D.Z., and O.Iu. Minkina, 2007, K voprosu o priniatii evreiskimi zhenshchinami khristianstva v Rossii v kontse 18 – nachale 19 vv. [On the question of the adoption of Christianity by Jewish women in Russia in the late 18th – early 19th centuries]. Fel'dman, D.Z., O.Iu. Minkina, and A.Iu. Kononova, “*Prekrasnaia evreika*” v Rossii 17–19 vekov: *obrazy i real'nost'. Stat'i i dokumenty* [“The beautiful Jewess” in Russia of the 17–19th centuries: images and reality. Articles and documents], 55–104. Moscow, Drevlekhranilishche, 144.
- Fishman, D.E., 1995, *Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov*. New York, New York University Press, 195.
- Shchukin, V.V., and A.N. Pavliuk, 2009, *Zemliaki: Ocherki istorii evreiskoi obshchiny goroda Nikolaeva (konets 18 – nachalo 20 vv.)* [Countrymen: Essays on the history of the Jewish community of the city of Nikolaev (late 18th – early 20th centuries)]. Nikolaev, Izdatel'stvo Iriny Gudym, 352.
- Sobolevskaia, O.A., 2001, Iz istorii evreiskoi zhenshchiny na Belarusi 19 v. [From the history of Jewish women in Belarus in the 19th century]. *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi. Sbornik nauchnykh statei* [Women in history: the opportunity to be seen], ed. I.R. Chikalovoi, vol. 1, 290–304. Minsk, BGPU, 320.